

Аркадий Неминов

Unikum ordinarium

Skleněný můstek 2015

Аркадий Неминов

**Unikum
ordinarium**

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Студент-медик Артем Силин оказался запертым в подвале особняка своего случайного работодателя, нанявшего его синтезировать некое вещество с уникальными свойствами. У Артема есть только два выхода: остаться в чужом доме, чтобы стать безропотным орудием в руках жаждущего наживы бизнесмена, либо, не смирившись, погибнуть. Но, как выяснилось, существует и третий вариант...

© Аркадий Неминов 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

Художественное оформление - Святополк © 2015

ISBN 978-80-87940-53-2

Содержание

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Эпилог

Глава 1

Я брел по облаку. Идти было, как ни странно, трудно. Я всегда думал, что облака – легкие, почти невесомые, как пух, но на деле все оказалось иначе: они были наподобие густого, молочно-белого киселя, вязкого и плотного, как болотная жижа. Я шел уже довольно долго, едва переставляя ноги, и мне казалось, что это никогда не кончится.

Вокруг меня простиралась бескрайняя белая пелена, местами прорываемая обрывками ветра, неизвестно откуда взявшегося, и тогда в эти прорехи проглядывало бирюзовое небо. Я шел долго. На мне были мои любимые синие потертые до белесости джинсы, свободная голубая хэбэшная рубаша в крупную клетку с короткими рукавами и старые «адидасовские» кроссовки. За спиной – небольшой, но достаточно весомый, походный рюкзак – подарок отца на день рождения.

Голова моя была пуста и гулка, как пивной котел. Почему-то именно это сравнение с неведомой мне емкостью показалось наиболее подходящим в данном случае. Я ничего не знал про себя, кроме своих предпочтений в одежде, не знал, куда и зачем иду, и почему оказался на небе. Я не знал даже, что находится в моем собственном рюкзаке! Но зато абсолютно точно знал одно: во что бы то ни стало я ДОЛЖЕН идти, пусть и вопреки логике, идти сквозь этот густой туман по вязкому облачному болоту, идти, пока хватит сил...

Проснулся я с большой головой. Немного полежал с закрытыми глазами, приходя в себя. Опять этот сон! Что же это может означать? Почему я так отчетливо помню каждое мгновение своего бесконечного воображаемого путешествия в никуда? Ведь раньше я редко запоминал сновидения.

Я откинул одеяло и сел на кровати, затем пошарил часы под подушкой: ого – до лекций оставалось каких-нибудь десять минут! Придется опять пропускать пару! Васька опять начнет бухтеть, что подаст в деканат сведения о пропуске занятий, и меня лишат стипендии за прогулы и опоздания. Какой же он зануда – этот наш многоуважаемый староста Василий Иванович! Ну и черт с ним, пускай лишают!

Я тряхнул головой и с облегчением почувствовал, что тиски, сжимавшие мой мозг, чуть ослабли, а боль ленивым ужом стала потихоньку выползать из черепной коробки. Сознание постепенно прояснялось.

Одеваясь, и на ходу жуя бутерброд, одним глазом я косил на часы, нервно тикающие на стенке, а другим – на учебник по Физиологии человека под редакцией Покровского и Коротько, раскрытый еще со вчерашнего вечера на странице с темой о «нейронных комплексах и их роли в деятельности центральной нервной системы».

Мне, студенту четвертого курса мединститута, эта тема была, как никогда, близка. Еще с самого детства, сколько я себя помнил, меня интересовали глубинные возможности человека. Ведь именно тогда, в возрасте двенадцати лет я увидел ту передачу по телевизору, которая перевернула во мне все имеющиеся представления о человеческом организме.

Сюжет, показанный в рамках популярной программы «Очевидное – невероятное», был о женщине, которая под воздействием сильнейшего стресса смогла остановить голыми руками катящийся на ее ребенка огромный грузовик, оставленный без присмотра беспечным шофером. Известный профессор-ведущий выдал тогда фразу, застрявшую в моей голове навсегда: «человеческий мозг, управляющий нашим телом и заставляющий творить настоящие чудеса, изучен современной наукой не больше, чем на пять процентов, поэтому мы пока не в состоянии понять загадочную природу возникновения сверхъестественных способностей человека».

В ходе передачи также была высказана мысль о том, что толчком к возникновению таких способностей всегда играла неординарная ситуация, в которую попадал индивидуум. Это мог быть и сильнейший стресс по разным причинам, и какая-либо травма головы, и поражение электрическим током, и, что чаще бывало, пробуждение после клинической смерти или глубокой комы.

В таких случаях, по всей видимости, запускались некие механизмы, заставлявшие наш мозг работать в другом ритме, в другом диапазоне, что и приводило в конечном итоге к ошеломляющим результатам.

Став постарше, я прочитал уйму литературы по этому поводу, но вопросов меньше все равно не стало. Окончив школу, я твердо знал, чему посвящу свою жизнь. Другого, более интересного занятия, я себе уже не представлял. Поэтому свой выбор я остановил на местном мединституте, справедливо полагая, что, если уж и есть наука, способная ответить на мои вопросы, то это, безусловно, медицина.

Но пока до этого было далековато, да и Коротько с Покровским не объясняли главного. К тому же, начав изучать в институте мою любимую химию более углубленно, я по-настоящему прикипел к этой науке.

Один только вид лабораторной посуды и оборудования – все эти мензурки, реторты, колбы, плитки – вызывали у меня благоговейный восторг, граничащий с радостью первооткрывателя. Я бредил химией. Прозвище Химик, закрепившееся за мной после одной истории, ничуть меня не смущало. Совсем наоборот – я носил это имя с гордостью, хотя изначально оно имело весьма негативный оттенок.

Так меня однажды издевательски назвал наш профессор Андрей Борисович Калмыков, преподававший курс общей химии, когда на одном из практических занятий по фармакологии вместо одного соединения я, дурачась, случайно получил совершенно другое.

– Ну, вы и химик! – процедил тогда профессор, посмотрев на меня поверх очков уничтожающим взглядом.

Но самым удивительным было то, что выведенный мною неизвестный состав, неосторожно пролитый мной потом на лабораторный стол, буквально на глазах обесцветил полустертое неприличное слово, нацарапанное на нем шариковой ручкой каким-то нерадивым студентом еще в незапамятные времена.

Этот факт меня настолько окрылил, что я тут же рядом нацарапал слово «открытие» и уже намеренно продемонстрировал удивительные свойства своего «зелья» Андрею Борисовичу.

– Ну, вы и химик! – вновь произнес он, но уже совсем другим тоном и посмотрел на меня несколько заинтересованно. – Дерзайте, молодой человек, в том же духе. Если не прославитесь на поприще фармакологии, то хотя бы в сфере бытовых услуг ваша фамилия может стать известной! Только уж, голубчик, потрудитесь предоставить мне формулу вашего чудодейственного пятновыводителя. Но, если вы не вспомните, что с чем смешивали, я со спокойной душой вкачу вам «неуд» за сорванное задание по своему предмету. Да-с!

Три недели по вечерам я засиживался после занятий в лаборатории, колдуя над проклятой формулой своего пятновыводителя, и когда, наконец, мои усилия увенчались успехом, и вновь синтезированный состав обесцветил очередную надпись на многострадальном лабораторном столе, я был безмерно счастлив.

Дрожащей рукой я написал формулу пятновыводителя на наклейке, а под ней крупными буквами подписал: «СИЛАР». Это название, составленное от моего имени – СИЛин АРтем, я придумал уже давно.

Но только теперь я имел полное право поместить его на колбу с моим составом, и торжественно вручить ее Калмыкову.

Он пожал мне руку и произнес с чувством:

– Вот теперь, уважаемый Химик, я действительно могу вас так называть. Но лабораторную работу, все же, прошу переделать. Теперь, думаю, вам это не составит никакого труда. А СИЛАР ваш рекомендую применить с пользой – у нас в институте, и кроме лаборатории, еще много испачканной мебели! – он добродушно усмехнулся. – Кстати, вы не хотели бы летом поработать вместо лечебной практики моим ассистентом в нашей химлаборатории? С вашим деканом я договарюсь!

– Сочту за честь! – только и вымолвил я тогда, ведь к тому времени я всерьез подумывал о том, чтобы перейти с лечебного факультета на фармакологический.

– Химик, ты опять прогулял первую пару?! – услышал я за спиной резкий и визгливый голос нашего старосты. – Учти, «стипуху» с тебя снимут! Мне надоело выгораживать тебя перед деканом, ты портишь мне всю отчетность! Или ты хочешь, чтобы тебя на практику заперли в какую-нибудь психушку?

– Меня это не коснется, Вася! – спокойно проговорил я. – Калмыков берет меня на лето к себе ассистентом!

Васька озадаченно посмотрел на меня, но ничего не сказал, лишь безнадежно махнул рукой. Затем мстительно процедил:

– А диплом тебе тоже Калмыков будет выдавать? Зачем ты вообще тогда пошел на врача учиться, если тебя кроме химии ничего не интересует? А, делай, что хочешь! Потом не жалуйся! – он развернулся и зашагал прочь.

– Фармацевты нужны не меньше лечебников! – крикнул я ему вдогонку, но староста меня уже не слышал.

Глава 2

Васька свое слово сдержал, и его угрозы вовсе не были пустыми обещаниями, как я думал изначально. Меня действительно лишили стипендии. Когда, разгневанный, я пришел в деканат после лекций, там как раз ошивался наш староста.

– А-а-а, вот и сам виновник торжества, – злорадно протянул Васька. – Видите, Виктор Сергеевич, – обратился он к нашему декану, – я ведь говорил вам, что это заденет его за живое! А вы сомневались!

«Так значит это Васькины проделки! – пронеслось в мозгу. – Ну и гад, а бубнил, что защищал меня!»

– Виктор Сергеевич, за что меня лишили стипендии? – оставил я без внимания Васькин выпад. – Вы же знаете, что я вечерами занимаюсь наукой, не вылезая из химлаборатории, помогаю Андрею Борисовичу, работаю, как каторжный, порой не высыпаюсь и только по этой причине изредка опаздываю на первую пару, и вообще, моим пятновыводителем сейчас всюю пользуются в институте! А это, между прочим, сэкономленные средства, выделенные на хозяйды...

– Изредка?! – снова встрял Васька мстительно. – Опаздываешь?! Значит, у меня галлюцинации, если я тебя вообще не вижу на парах?..

– Знаю, знаю, я уже слышан о вашем знаменитом СИЛАРе, который возможно к началу 21 века выведет наш медвуз на недосыгаемую прежде высоту! – насмешливо прервал декан Васькины причитания. – Но дисциплина, уважаемый господин Силин, превыше всего! У нас в институте, как вы знаете, посещение лекций студентами – святая обязанность, залог будущей успешности в лечении людей! И я, как лицо ответственное, отвечаю за процесс обучения каждого студента, даже такого талантливого химика как вы. Надеюсь, что эта временная акция отрезвит вас, и головокружение от успеха быстро пройдет, а вы вернетесь в привычное русло учебы. Не забывайте, пожалуйста, что в стенах нашего ВУЗа обучаются искусству врачевания, а не выведения пятен, и ваше будущее место работы – лечебное учреждение, а не служба быта!

Теперь насчет практики. Ко мне уже подходил на днях уважаемый Андрей Борисович и просил отпустить вас к нему в ассистенты на время летней отработки. Я ему дал свое согласие, но с одним условием:

вы не будете пропускать занятия и закончите семестр как полагается, и пусть это послужит вам хорошим уроком на оставшиеся два месяца.

Пока он говорил, Васька стоял в сторонке, старательно хмурия брови, но по его хитрой физиономии я видел, что эта ситуация его вполне устраивает. Вот змей! Ничего, как-нибудь перебьюсь без стипендии, что-нибудь придумаю. Небось, с голода не помру!

От декана я вышел в неважном настроении. Пусть и небольшая, но стипендия меня здорово выручала. Во всяком случае, к родителям за помощью я не обращался.

Вот уже почти три года я жил отдельно от них, несмотря на то, что проживание в родном гнездышке сулило мне, как минимум, сытое существование. Дело было в моей непомерной гордыне. Однажды, поспорив с отцом, я неосмотрительно заявил, что, как взрослый человек, вполне смогу прожить самостоятельно. И после окончания первого курса ушел из дому, сняв небольшую однушку и устроившись в ближайшей горбольнице ночным санитаром приемного отделения.

Я нисколько не жалел об этом шаге, хотя порой немного скучал по родителям. Может быть, поэтому почти сразу же я завел у себя беспородное, но очень умное животное – кота Амедео, или просто Медика, которого я так назвал в честь известного итальянского химика 19 века Амедео Авогадро. Я подобрал его в подъезде, где снимал квартиру. Крохотный серый комочек, забившийся в угол, он сразу привлек мое внимание тихим «интеллигентным» писком, будто извинявшимся за свое существование. Видно кто-то из жильцов вынес его с целью пристроить в чьи-нибудь добрые руки. С Медиком было не так одиноко, к тому же мой умный котик совсем не доставлял мне никаких неудобств. Не знаю как, но практически с первых дней его появления у меня в доме, он самостоятельно освоил лоток, словно уловив мои мысли относительно своей беспородной персоны.

Как бы там ни было, но сейчас уже целый месяц я не работал – мне до жути не хватало времени. Навалилась учеба, а вечера я по-прежнему предпочитал проводить в лаборатории кафедры фармакологии, которой заведовал профессор Калмыков. Какие уж тут ночные бдения в больнице? Мне бы до койки добраться!.. Теперь же о лаборатории придется забыть, а жаль, ведь профессор на днях поручил мне провести один очень интересный эксперимент...

Придя домой, я первым делом стал названивать в горбольницу. Но, только услышав мою фамилию, старшая медсестра фыркнула в трубку: – Это тот самый Силин, который срывал ночные дежурства, и кото-

рого уволили, как злостного нарушителя трудовой дисциплины?

– Ничего я не срывал! Я же звонил накануне и предупреждал, что не смогу выйти из-за срочного дела, но главврач меня даже слушать не захотела!

– Ничего не знаю, тебя обратно брать не велено! Даже, если бы у нас вообще не было ни одного санитаря!

Что же делать? Неужели придется идти на поклон к отцу?! Представляю, что он скажет, какими глазами на меня посмотрит! Мне живо представилась его фирменная полуулыбка. Когда мой отец не хотел напрямую высказываться, он как-то по-особому кривил рот – получалось нечто среднее между презрительной усмешкой и язвительной улыбкой. При этом всем окружающим становилось понятно, что ничего хорошего эта гримаса не означает. А мама, как всегда, начнет суетиться, стараясь угодить нам обоим, примется судорожно накрывать на стол и задавать ничего не значащие вопросы, лишь бы отвлечь нас от неприятного разговора, вот-вот готового вылиться в полноценный скандал.

Нет уж, лучше я буду разгружать вагоны по ночам, только бы не чувствовать себя побитой собакой, которая, поджав хвост, ползет к своему хозяину за миской похлебки!..

Я вздохнул и вышел на балкон. Весенний ветерок тотчас обдал меня ласковой теплой волной. Как приятно! Я задышал полной грудью, и мне почему-то стало удивительно спокойно на душе, словно с терпким ароматом распускающихся тополиных почек я вдохнул и частицу некой уверенности в собственных силах. Я даже подозвал Амедео и в порыве чувств нежно потрепал его по пушистой голове, чем вызвал у моего подопечного искреннее недоумение.

Внизу искрилась каплями прошедшего недавно дождя крыша газетного киоска, на которой беспечно восседала пара голубей. Вот у кого нет никаких забот!

Стоп! Меня вдруг осенило – газеты! Надо просто поискать объявления в газете. Возможно, мне повезет, и я найду какую-нибудь подходящую работенку. Я мигом спустился вниз и уже через несколько минут с интересом рассматривал соответствующую рубрику в местной представительнице желтой прессы под говорящим названием «Городские слухи».

Мое внимание сразу привлекло одно объявление:

«Организации требуется опытный специалист-химик на хорошо оплачиваемую временную работу. Допускается работа на дому».

Это же то, что нужно! Больше всего в этом объявлении меня привлекли две фразы: «хорошо оплачиваемая» и «работа на дому». Правда я был всего лишь студентом и даже не химиком, к тому же, без опыта, но зато имел большое желание заработать, любовь к предмету и отсутствие выхода из положения, в которое попал благодаря той же химии!

В конце концов, что я теряю, если позвоню? И с замиранием сердца я принялся набирать заветный номер.

Мне ответил приветливый женский голосок. Выслушав меня, невидимая собеседница сразу спросила, если ли у меня опыт работы с химическими препаратами.

– Да, конечно, – важно объявил я, – более трех лет!

– В таком случае с нетерпением ждем вас на собеседование. Запишите адрес! – проворковала она.

На другой день я еле дождался конца последней пары. Видимо, в предвкушении волнующей встречи у меня был такой загадочный вид, что даже Васька озабоченно поинтересовался, не надо ли мне чем-нибудь помочь.

– Ты мне уже помог! – огрызнулся я. – Спасибо на добром слове!

Он лишь развел руками.

Дом, в котором находилась искомая организация, представлял собой старый обшарпанный двухэтажный особняк, располагавшийся в конце улицы. За ним простирался пустырь. Само здание было огорожено высоким металлическим забором с большими воротами, на которых мигали красными глазками две видеокамеры, охватывающие всю прилегающую территорию.

«Солидно устроились, ничего не скажешь!» – подумал я, нажимая на звонок калитки. Она тотчас распахнулась. На пороге возник краснолицый охранник с приплюснутым, явно перебитым носом, в строгом черном костюме. Он пробуровил меня пристальным взглядом и грозно осведомился:

– Вы к кому?

– Я по объявлению.

– Проходите! – Он закрыл за мной массивную калитку, и еще раз оценивающе оглядел меня с ног до головы, затем хмуро кивнул, приглашая следовать за собой.

Внутренний дворик был чисто убран, чувствовалось, что здесь не обошлось без помощи ландшафтного дизайнера. В отличие от особняка, придомовая территория была оформлена с большим вкусом и знани-

ем дела. Цветы и газоны, дорожки, мощенные красивой разноцветной плиткой, и вазоны, небольшие скульптуры и даже маленький прудик с фонтаном – все это явно диссонировало с внешним видом самого дома, как бы подчеркивая его старинную угрюмость.

Мы шли по длинному коридору первого этажа, освещенному тускловатым дежурным светом, лившимся откуда-то сбоку. Толстая ковровая дорожка на полу приглушала наши шаги. Ни единого звука не доносилось из-за закрытых дверей четырех помещений, мимо которых мы проходили, лишь полосы света из-под них выдавали присутствие там людей.

«Как в казематах», – пришло мне в голову сравнение, и стало как-то не по себе.

Мы остановились в дальнем конце коридора у торцевой двери. Мой сопровождающий легонько постучал.

– Войдите! – раздался негромкий приятный голос.

Охранник распахнул дверь, и я невольно зажмурился от нестерпимого света, ударившего меня по глазам. В огромном кабинете, ослепительно ярком от отблесков большой хрустальной люстры под высоким потолком, я не сразу заметил неприметного лысого человечка, сидящего за большим столом, уставленным дорогами письменными принадлежностями и аксессуарами – под стать роскошному интерьеру. Массивные дубовые панели, картины в золоченых рамах, явно старинная, хорошо отреставрированная мебель, буквально кричали о богатстве их хозяина.

– Присаживайтесь, молодой человек, вон на тот стул, что у стены, – проговорил лысый, улыбаясь. – Мне передали, что вы якобы имеете опыт работы в интересующей нас области, но, я вижу перед собой юношу! Для меня это загадка! Вы позволите, милостивый государь, ознакомиться с вашей трудовой книжкой? – его немного дребезжащий голос и старомодный стиль речи удивительным образом вписывался в архаичный интерьер.

– Видите ли, я еще пока студент четвертого курса, – промямлил я, нервно теребя бейсболку. – Просто ваша девушка не совсем правильно меня поняла. Я сказал только, что уже три года занимаюсь химией. Мне на курсе даже дали прозвище – Химик! И это действительно так! Понимаете, я буквально днюю и ночью в химической лаборатории нашего мединститута, а совсем недавно мне удалось даже самостоятельно синтезировать одно очень эффективное средство для выведения пятен. Правда, я еще не успел его запатентовать, но...

– Хм, – перебил меня лысый и потер крутой лоб, – это похвально, конечно. А скажите, молодой человек, ваши родители, что же, на все это смотрят спокойно? – он быстро взглянул на меня и забарабанил короткими толстыми пальцами по столу.

– А у меня нет родителей! – вдруг вырвалось у меня неожиданно. – Я живу совершенно один, так уж случилось, и мне именно сейчас позарез нужна работа, ведь помочь мне некому!..

Я выпалил это одним духом, хотя в душе тут же стал проклинать себя, на чем свет стоит, ведь я понимал, что такие слова, пусть и для пользы дела, произносить даже мысленно большой грех!

– Вот как! – разволновался мой визави.

Он встал из-за стола и подошел ко мне, такой маленький, кругленький, улыбчивый, с розовой блестящей лысиной.

– Так это меняет дело! – Он протянул мне пухлую ладошку: – Давайте знакомиться, меня зовут Иннокентий Вениаминович, я руковожу нашей небольшой, но дружной компанией, а как вас величать, юноша?

– Артем Силин. Очень приятно! – я вскочил со стула, оказавшись на целую голову выше моего приветливого собеседника, и с жаром затряс его руку.

– Артем Силин, – эхом повторил он в задумчивости. – Хм... У вас, юноша, довольно распространенная фамилия!.. Ну, что ж, и мне очень приятно! – Он уселся на свое место и через небольшую паузу вдруг сказал: – Думаю, вы нам подойдете! – при этом он снова растянул пухлые губы в приветливой улыбке.

– А что я должен делать-то? – от радости, что так быстро нашел работу, я готов был его расцеловать.

– О, я уверен, что с той небольшой работой, которую мы вам хотим предложить, вы справитесь без затруднений. Тем более, у вас есть для этого и возможности, и время, и желание, и даже лаборатория! Не так ли? – и он дружески мне подмигнул.

Я только растерянно кивнул и улыбнулся ему в ответ.

Глава 3

Директор некоторое время разглядывал меня, словно пытался понять, какое впечатление произвели его слова, затем продолжил:

– Видите, ли, уважаемый Артем, прежде чем я поясню суть задания, хотел бы вас предупредить, что, поскольку в нашей компании не принято набирать в штат студентов, официальная сторона нашего, так сказать, соглашения будет несколько... – он пощелкал пальцами, подбирая слово, – скомкана, что ли. Другими словами, работать вы у нас сможете без какого-либо контракта или трудового договора! Поймите, я иду на такие нарушения исключительно ради вас...

– Да-да, конечно, я все понимаю! – поспешил я его успокоить. – Спасибо вам за это. Ничего страшного, пусть будет неофициально, ведь вы же не станете меня обманывать?

– Ха-ха-ха! – гулко рассмеялся Иннокентий Вениаминович. – Голубчик мой, о чем вы говорите?! У нас контора солидная, как вы уже, наверное, догадались, но, чтобы вы не сомневались, а также в знак доверия и моего к вам расположения, я готов выплатить вам аванс в размере, скажем, одной тысячи долларов! Что скажете? – он прищурился.

Я потерял дар речи. Тысяча баксов! За что? Я ведь даже не знаю, что мне предстоит делать! А вдруг я не справлюсь, а деньги потрачу! У меня мгновенно перехватило дыхание, когда я представил мерзкую физиономию давешнего охранника. Уж кто-кто, а такой мордovorот, как он, вытрясет из меня вместе с бабками и всю душу!

– Уважаемый, Иннокентий Вениаминович, – начал я уныло, – еще раз спасибо вам за доверие, но, пока я не пойму, чем именно мне предстоит заниматься, никакого решения принимать не буду!

– Конечно, конечно, я вам сейчас все расскажу. Все очень просто! У меня имеется весьма древний рецепт некоего состава, который вам надо будет синтезировать в лабораторных условиях! В нем есть всё: составляющие, дозировка, подробное описание последовательности процесса, но... – он сделал паузу и театрально закатил глаза, – для непосвященных это – филькина грамота, к тому же, я не уверен, насколько этот состав безобиден в готовом виде! Вы меня понимаете? А вдруг он сильно горюч или, не приведи Господь, взрывоопасен! Ведь это – риск,

поэтому и нужен опытный специалист-химик, который свел бы этот риск к минимуму.

– А что это за состав? – я искренне изумился такому повороту событий. Я ожидал чего угодно, но не этого! Какой-то древний состав... – Уж не алхимия ли это? – последнюю фразу я невольно произнес вслух.

– Все может быть! – загадочно проговорил Иннокентий Вениаминович. – Я и сам так думаю! Понимаете, мы нашли его в этом особняке, который я приобрел не так давно, в одном из старых сундуков, что откопали в подвале, когда прокладывали коммуникации. Дому этому больше ста лет. Думали, нашли клад, а там, среди хламья лежал этот пергамент в герметичной шкатулочке, представляйте?! – и директор благоговейно коснулся пальцем тоненькой папочки, лежащей перед ним на столе. – А я, признаться, большой любитель старины и всего такого прочего. Кстати, вы, например, знаете, сколько лет этому дубовому письменному столу в стиле барокко?

Я уже давно обратил внимание на благородные округлые формы массивного директорского стола, его великолепные резные ножки в виде четырех львиных лап, и пожал плечами.

– Не менее ста пятидесяти! Возможно, это школа самого Даниэля Моро! Знали вы бы, в каком виде мне его привезли! И каков он сейчас!.. Ну, ладно, мы немного отвлеклись. Так вот, мне и самому чрезвычайно интересно, что сей рецептик означает...

С этими словами он открыл папочку и двумя пальцами выудил оттуда желтоватый сморщенный листок, с двух сторон оклеенный целлофановой пленкой.

– А если принять во внимание, юноша, что пометки в этом бесценном документе сделаны старославянской вязью, то это уже говорит само за себя! Да вы подойдите, не стесняйтесь!

Я подошел к столу, осторожно взял пергамент в руки и... ровным счетом ничего не понял! Какие-то непонятные знаки, закорючки, палочки, буквы...

– Иннокентий Вениаминович, а почему вы вообще решили, что это рецепт химсостава? Кто вам это сказал?!

– Потому что в лингвистическом переводе уже присутствуют привычные символы элементов периодической таблицы Менделеева. Не сомневайтесь, молодой человек, я бы не стал заваривать всю эту кашу, если бы не проконсультировался со специалистами.

– Значит, существует и перевод, а то я уж испугался!

– Конечно, мой дорогой! Я просто хотел показать вам оригинал – и

только! Он, судя по всему, ровесник моему столу, если иметь в виду, что Менделеев сделал свое открытие где-то в середине прошлого века.

– В 1869 году! – поправил я директора машинально.

Я бегло пробежал документ до самого конца и весь внутренне сжался. То, что я увидел, не походило ни на одно мало-мальски известное мне соединение. Тем более, в рецепте неизвестного порошка – а в конечном итоге должен был получиться именно он – значились довольно редкие, даже экзотичные элементы, среди которых знаменитая «царская водка» выглядела абсолютно обыденной смесью.

– Нет, вы знаете, я вынужден отказаться! Даже в нашей лаборатории я и половины ингредиентов не подберу! А тут нужны еще такие специфические условия... – я был готов завывать от разочарования и досады. – Так что извините, уважаемый Иннокентий Вениамин...

– Три тысячи! – не дал он мне договорить.

– Постойте, – от таких цифр у меня закружилась голова, – но на это ведь понадобится уйма времени, а у меня сессия на носу! Приступить к синтезу этого порошка я смогу не раньше, чем через два месяца, когда у меня начнется летняя практика в лаборатории...

– Согласен! – коротко выдохнул он. – Желаете сейчас получить ваш аванс?..

Я не помню, как вышел из особняка, не помню, как добрался до дому, но все это время мое тело через карман джинсов буквально прожигали деньги, упавшие на меня с неба! Мне не хотелось думать о том, что уже очень скоро придется их отрабатывать, я никак не мог взять в толк одно: как мне, обычному студенту, человеку с улицы, с первого же знакомства удалось настолько произвести впечатление на солидного и богатого работодателя, что без всяких платежных документов мне выдали такую сумму! В штат меня не зачислили, я не подписал ни одной бумаги, не ознакомился ни с одной должностной инструкцией. Странно это все как-то... Директор лишь снял копию с моего паспорта, да сделал кое-какие пометки у себя в блокнотике... Кому-то рассказать – никто не поверит!..

Лучше не задумываться. Главное, теперь я был богат до неприличия и оставшееся до конца учебного года время мог жить, не заботясь о хлебе насущном. И пусть Васька подавится моей хилой стипендией, а главврачиха – своими приказами!

Увы – все когда-то кончается, как это не прискорбно! Почти обмелела и моя когда-то полноводная денежная река, иссякли мои «баснослов-ные деньжища», оказавшиеся вовсе и не такой уж большой суммой, как мне показалось изначально. Я только диву давался, как быстро растаял мой незаработанный аванс, так сказать, мой «подкожный жир», рассчитанный на беззаботное и продолжительное плавание в суровых водах химической науки! А ведь никаких особых трат я не совершал: ну шиканул пару-тройку раз – сходил в ресторан, ну купил себе очередные джинсы с ботинками, ну побывал на концерте известного исполнителя, ну угостил приятелей пивом с воблой – все это были такие мелочи, а денежки – тю-тю!

Зато теперь, хотя бы, меня ничто не отвлекало от учебы и моей химии! Мощный стимул не пропускать занятия в институте под страхом лишения меня лаборатории во время практики, сделал свое дело. Сессию я сдал довольно прилично и обеспечил себя на следующий семестр стипендией, размер которой вызывал во мне теперь чувство негодования пополам с иронией, да почти оскорблением собственному достоинству.

Мне хотелось продолжения банкета! А еще больше – доказать самому себе, что мне по зубам эта работа. Пока я усердно заканчивал учебу, исправно посещал лекции и коллоквиумы, сдавал зачеты и экзамены, уже потихоньку стал собирать доступные мне препараты.

Своего наставника профессора Калмыкова я решил не посвящать в свои дела, тем более, мне это было строго-настрога запрещено толстяком-работодателем.

«Все должно быть между нами, молодой человек! – сказал мне тогда Иннокентий Вениаминович на прощание. – Надеюсь, что о нашем маленьком дельце не узнает ни одна живая душа. В противном случае, сударь, наш негласный договор аннулируется, а аванс будет у вас немедленно изъят, даже в том случае, если для этого придется продавать ваши органы в розницу!» – Он ласково улыбнулся мне, показывая, что пошутил, но холодный взгляд говорил обратное. Его глаза, глубоко посаженные за набрякшими веками в синих прожилках, сверкнули тогда совсем недобрым блеском... Хотя, возможно, это мне только показалось...

Как бы там ни было, но процесс пошел, и чем больше я втягивался, тем сильнее увлекало меня это действие, тем мощнее охватывал азарт первооткрывателя, тем ярче я проживал каждый свой день.

Декан свое слово сдержал, и уже через неделю после окончания сес-

сии я входил в стены лаборатории полноправным ассистентом профессора Калмыкова. В мои обязанности входило: помогать ему в проведении занятий с первокурсниками, отрабатывающих практику на кафедре фармакологии, содержать в порядке лабораторную посуду, следить за чистотой в помещении и гонять слишком любопытных студентов во внеурочное время, – в общем, ничего особенного.

Мне даже нравилось, когда почти мои ровесники обращались ко мне уважительно, по имени-отчеству – Артем Алексеевич. Мне нравилось важно расхаживать в белом халате по помещениям лабораторного комплекса, нравилось командовать своими беззаботными подопечными, нравилось оставаться одному после занятий... Мне нравилось здесь всё, лишь одна мысль, ни на минуту меня не оставлявшаяся, омрачала радость от занятия делом, ставшим неотъемлемой частью моей жизни. Мысль о своем обещании выполнить задание и той неотвратимой каре, которая меня постигнет, если я это задание провалю.

Уже очень скоро я окончательно понял, что ввязался в страшную авантюру, ведь то, что было написано в рецепте, оказалось едва ли возможным в условиях института. Хорошо, что Андрей Борисович мне полностью доверял и частенько оставлял на меня своих студентов. Если бы не их помощь, один бы я ни за что не управился.

На свой страх и риск я подключил некоторых из них к решению своей непростой задачи. Получение ингредиентов моего Неведомого Состава, оказалось задачей трудоемкой и не терпящей спешки.

Особенно я выделил двух толковых ребят – Димыча и Серегу, которые проявили чудеса изобретательности и смекалки. У Сергея вдобавок отец работал главным инженером на местном химфармзаводе, и некоторые редчайшие составы, которых не было даже в аптеках, были получены с его помощью.

И дело стало потихоньку двигаться. Единственной проблемой, возникшей на этом пути, были вопросы, задаваемые моими помощниками, на которые я и сам не знал ответа. Да и что я мог им сказать? Что согласился синтезировать по древнему рецепту порошок неизвестного назначения? Что уже получил за него аванс, который благополучно проел и пропил почти до цента?

Поэтому мне пришлось им соврать, что я синтезирую эффективный препарат для лечения так называемой «болезни Пика» – мы как раз совсем недавно проходили это заболевание по учебной программе. Удивительным было то, что эта болезнь по необъяснимым причинам заставляла больных есть грязь, глину, клей, бумагу и т. п.!

Как лечить это таинственное и древнее заболевание медицина пока не знает, вот я и провожу научный эксперимент по своей собственной методике и при помощи старинного рецепта, найденного в сундуке моей бабушки. Но это – сугубо между нами! Даже профессор не в курсе! Пусть это для всех будет сюрпризом!

Ребята клюнули на эту чушь и заработали в два раза расторопнее, подключая попутно всех своих друзей, знакомых и родственников.

Мне было стыдно, я чувствовал себя последней сволочью, но не мог остановиться. Любопытство первопроходца было для меня намного сильнее, чем пресловутый страх перед улыбчивым толстяком Иннокентием и его амбалами-охранниками. Что-то будет...